

Похороны Тургенева

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю.

В стенах Петербурга было несколько похорон, не официального, так сказать, предустановленного характера, а таких, в которых непосредственно выразилось общественное сочувствие к почившему. Таковы были, во второй половине прошлого века, похороны глубоко талантливого артиста А. Е. Мартынова в 1860 году, Н. А. Некрасова в 1877 году, Ф. М. Достоевского в 1881 году и И. С. Тургенева в 1883 году. Похороны Достоевского были из них самые внушительные, потому что состоялись на третий день после кончины великого писателя, когда впечатление, произведенное ее совершенной неожиданностью, было особенно сильно, а грандиозно-трогательная обстановка похорон состоялась почти без всяких приготовлений. Но и похороны Тургенева оставили у всех очевидцев сильное впечатление, как наглядная дань уважения к любимому писателю и выражение скорби о нем. Этим похоронам предшествовали погребальные церемонии в Париже, отличавшиеся особой и искренней торжественностью. На станции Северной железной дороги была устроена траурная часовня (*chapelle ardente*), производившая, по отзывам очевидцев, величественное впечатление. Среди четырехсот собравшихся проститься с телом было не менее ста французов, и между ними носители славных и выдающихся имен во французской литературе и искусстве. Тут были между прочими: Ренан, Эдмонд Абу, Жюль Симон, Эмиль Ожье, Золя, Додэ, Жюльетта Адан, любимец Петербурга артист Дьедонэ и композитор Масснэ. Первым, с кафедры, обитой черным сукном, говорил Эрнест Ренан. В его красноречивой (несмотря на престарелость оратора) речи было несколько глубоких и прекрасных мест. Он характеризовал Тургенева как представителя массы народа, которая в целом безгласна и может только чувствовать, не умея ясно выразить свои мысли. Ей нужен истолкователь, нужен пророк, который говорил бы за нее, умел бы изобразить ее страдания, отвергаемые теми, кому выгодно их не замечать,-- ее назревшие потребности, идущие вразрез с самодовольством меньшинства. Таким человеком по отношению к своему народу был в своих произведениях Тургенев, соединяя в себе впечатлительность женщины с нечувствительностью анатома и разочарованность мыслителя с нежностью ребенка. По своим чувствам, по характеру своего творчества Тургенев был сыном своего народа, того народа, появлению которого на авансцене мира Ренан придавал особое значение. Но над народами стоит человечество. По своему широкому мирозерцанию, кроткому, жизнерадостному, сострадательному, Тургенев принадлежал всему человечеству, и в нем жило слово мира, правды, любви и свободы. "Прости, великий и дорогой друг,-- закончил свою речь Ренан; -- лишь прах твой покидает нас, но твой духовный образ остается с нами". Ту же мысль об общечеловечности произведений Тургенева проводил в своей речи от имени французских литераторов Эдмонд Абу, подчеркнув в ней особое значение "Записок охотника" и оказав, что для славы умершего не нужен будет величавый памятник, а несравненно дороже будет простой обрывок разорванной цепи на белой мраморной плите.

В Берлине,-- быть может, оттого, что прусские власти находились в натянутых отношениях с Россией, выразившихся в разных мерах Бисмарка, имевших характер маленьких репрессалий,-- произошло странное недоразумение, про которое французы сказали бы, что "*c'est un incident soigneusement grégéré*" {"Тщательно подготовленный инцидент" (*фр.*)}. Быть может, однако, и русские люди, хотевшие почтить Тургенева, оказались неосведомленными точно, по обычной нашей непредусмотрительности. Прибытие вагона с телом Тургенева ожидалось на Потсдамском вокзале, куда его неоднократно и приходили встречать с венками русские и немецкие почитатели усопшего, причем на их вопросы станционное начальство отзывалось незнанием о времени прибытия, а некоторые даже высказывали предположение, что этот дорогой для многих прах уже проследовал в Россию. Между тем тело прибыло на второстепенный Лертский вокзал и сдано было в экспедицию товаров большой скорости, а 24 сентября (12 сентября) утром перевезено на возу на вокзал Силезской железной дороги и оттуда отправлено в Россию.

Следование праха Тургенева по России, очевидно, очень тревожило министра внутренних дел -- графа Д. А. Толстого и директора департамента полиции -- Плеве, и они принимали меры, чтобы свести к минимуму предполагаемые многолюдные встречи поезда с гробом на станциях железной дороги и устранить служение при этом панихид и литий. По этому поводу был оживленный обмен телеграмм с